

Патрушев Сергей

Поезд. Билет в никуда

Сергей Патрушев

Поезд. Билет в никуда

<https://litres.ru/74623283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Билет в никуда. Война стёрла границы добра и зла. Лили и Роза, две юные авантюристки, выживают хитростью, красотой и ложью.

Собрав деньги, они садятся на последний поезд, идущий к границе. Но состав оказывается ловушкой.

В вагоне мошенники, безумцы и призраки прошлого. Пассажиры торгуют надеждой, а машинист давно не управляет поездом.

За окнами не поля, а бездна. Остановок нет. Время петляет.

Когда двери откроются, никто не будет прежним.

Что это — чистилище, сон или последний рейс в никуда? Ответ ждёт в конце, где реальность рассыпается, как пепел. Но билеты уже куплены, и обратного пути нет.

Содержание

Глава 1. «Искусство падать красиво»	4
Глава 2. «Цена иллюзии»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Патрушев

Поезд. Билет в никуда

Глава 1. «Искусство падать красиво»

Снег в этом городе давно перестал быть снегом. Он представлял собой серую, спрессованную корку, пропитанную копотью, машинным маслом и отчаянием. Ветер, дующий с заброшенных промзон, нес не свежесть, а запах тлеющей резины и кислой капусты. Полуразрушенный фасад кинотеатра «Победа» скалился ржавыми балками, словно скелет гигантского животного, а на площади перед ним, у приземистого, похожего на бетонный бункер здания с вывеской «Распределительный пункт №4», шевелилась серая, озлобленная масса.

Очередь за хлебом.

Это словосочетание в новом мире означало не просто ожидание, а ежедневный ритуал унижения, балансирования на грани жизни и смерти. Люди стояли здесь с четырех утра, плотно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить остатки тепла. Их лица, скрытые под грязными платками и воротниками, были похожи на маски из воска, оплывшие от холо-

да и недоедания. В очереди не разговаривали. Здесь только дышали, глухо кашляли и ненавидяще сверлили взглядами спины впереди стоящих.

Лили вжалась в ледяную стену трансформаторной будки, стараясь слиться с тенями. Ей было семнадцать, но на вид — не больше четырнадцати. Худоба, свойственная подросткам, в условиях города превратилась в болезненную истощенность. Ее старый армейский бушлат, на три размера больше нужного, висел на ней мешком, скрывая тонкие руки. Но глаза — вот что выдавало в ней нечто чужеродное для этого места. Пока толпа смотрела в спины друг другу, ожидая, когда из дверей бункера вынесут деревянные лотки с черствыми буханками, Лили смотрела на систему.

Она видела, как дрожат колени у женщины в третьем ряду. Видела, как мужчина в кепке, стоящий пятым, незаметно перекатывает во рту последний леденец, боясь его сглотнуть. Она считала охранников. Их было трое. Двое у дверей, с дубинками, лениво сплевывающими на серый наст. И один — старший — на крыше бункера, с карабином. Старший был самым опасным. Он не смотрел на очередь. Он смотрел на крыши. Он ждал крыс, которые попытаются зайти сверху.

Лили перевела взгляд на свою сестру.

Роза стояла в самом начале очереди, у самых ступеней. Ей было пятнадцать, и природа, словно в насмешку над их жизнью, наделила ее той яркой, почти болезненной красотой, которая в мирное время собирала бы взгляды, а сейчас

была лишь мишенью. Роза не куталась в тряпье. На ней было тонкое, явно с чужого плеча пальто, которое не грело, а лишь подчеркивало хрупкость фигуры. Она стояла, безвольно опустив руки, и смотрела прямо перед собой пустыми, немигающими глазами.

Лили сжала в кармане кусок арматуры. Сердце пропустило удар. Роза начала падать.

Это не было случайностью. Это был спектакль, отточенный до миллиметра. Сначала подогнулась левая нога. Затем Роза сделала полшага вперед, словно пытаясь ухватиться за невидимую опору, и рухнула. Но рухнула она не плашмя, ударяясь затылком о ступени — это вызвало бы брезгливую жалость и желание отодвинуть тело ногой. Роза упала красиво. Театрально. Она сложилась пополам, как подкошенная стеблем трава, ее голова безвольно мотнулась, и она осела на нижнюю ступеньку, привалившись плечом к сапогу мужчины, стоявшего первым.

Мужчина — огромный, заросший черной бородой работага, от которого несло скипидаром — вздрогнул и отшатнулся, словно от прокаженной. Очередь за его спиной загудела, как растревоженный улей.

— Чего встали, покойница? — рявкнул охранник с дубинкой, делая шаг вперед. Ему не хотелось трогать тело. Мертвецы в городе были заразны, их просто сжигали во дворах.

— Она дышит, — тихо, но отчетливо сказала Лили, выходя из своего укрытия.

Она не бежала. Она шла медленно, с трудом переставляя ноги, делая вид, что сама едва держится. Подойдя к ступеням, она опустилась на колени прямо в грязную жижу, игнорируя брезгливую гримасу бородатого.

— Роза, — позвала она, касаясь ледяного лба сестры. — Роза, милая, ну что же ты.

Лили знала: сейчас главное — не переиграть. Если она заплачет, очередь решит, что это семейная драма, и отвернется. Если начнет кричать — охрана решит, что это провокация. Лили действовала на инстинктах, которые заменяли ей и страх, и совесть.

Она расстегнула воротник пальто Розы. Кожа сестры была белой, почти прозрачной, с просвечивающими синими точками вен.

— Сахар, — громко, чтобы услышали те, кто стоял ближе, произнесла Лили. — У нее падает сахар. Она не ела три дня.

Это была ложь. Роза не ела ровно восемнадцать часов. Но «сахар» — это слово звучало медицински, почти интеллигентно. Оно вызывало у толпы не сочувствие, а раздражение. Очередь двигалась медленно, каждый час задержки стоил людям места, а значит — еды.

— Оттащите ее в сторону, — буркнул охранник, теряя интерес. — Не загораживайте проход. Выдача через пять минут.

— Я не могу, она тяжелая, — пискнула Лили, и в ее голосе зазвенела та самая, нужная нота — паника слабого суще-

ства перед лицом бездушной системы. — Дяденька, помогите, она же умрет тут.

Бородатый работяга, чью ногу подпирала Роза, выругался сквозь зубы. Он был человеком. Даже в этом городе, где человечность стоила дороже хлеба, рудиментарные инстинкты иногда срабатывали. Он наклонился, подхватил Розу под мышки.

— Держи за ноги, — бросил он Лили.

Лили вцепилась в стоптанные ботинки сестры. Вместе они оттащили тело на пару метров в сторону, к стене, где снег был черным от мазута. Бородатый опустил Розу, придерживая, чтобы она не ударилась головой о стену.

И в этот момент Роза открыла глаза.

Это длилось долю секунды. Взгляд сфокусировался на бородатом, мгновенно оценил его рост, ширину плеч и то, что правый карман его телогрейки подозрительно оттопырен. Затем глаза снова закатились. Но бородатый этого не заметил. Он почувствовал, как что-то тонкое и острое — шпилька для волос — скользнуло по внутренней стороне его ладони, когда он поправлял руку Розы.

Роза была лучшей карманницей, которую Лили когда-либо создавала. Она не воровала грубо. Она воровала в падении. Шпилька, заправленная в косу, срезала узел внутреннего шнурка кармана.

— Эй, — бородатый выпрямился, ощупывая карман. Его лицо налилось кровью. — А где мой талон? На неделю был!

Лили уже была на ногах. Она не стала спорить. Спор — это внимание. Внимание — это обыск.

— Простите его, — она молитвенно сложила руки, глядя на охранника у дверей. — Он контуженый, с завода. Мы заберем ее, заберем.

Она подхватила Розу, которая снова стала ватной и неподъемной, и потащила ее за угол бункера. Бородатый, матерясь, уже прорывался сквозь очередь назад, к выходу, надеясь перехватить их.

Но Лили знала этот угол. За бункером, где заканчивалась бетонная стена, начинался провал в асфальте — старая воронка. Она затащила туда сестру, сбросила ее на дно, как мешок с картошкой, и упала сверху, накрывая собой.

— Сука, — прошипела Роза, мгновенно приходя в себя, как только их скрыла тень. — Он чуть не заметил. У него нож в другом кармане, Лили. Я не смогла взять.

— Плевать на нож, — выдохнула Лили, прислушиваясь к звукам на площади. Бородатый орал на охрану, его оттаскивали. Очередь снова начала давить на двери. — Главное — хлеб.

Она приподняла голову. Охранник с карабином на крыше по-прежнему смотрел вверх. Охранники внизу были отвлечены скандалом.

Лили выскользнула из воронки. Она не пошла к дверям. Она пошла к грузовику.

Раз в пятнадцать минут к черному ходу бункера подъез-

жал старый, чихающий дизелем «Урал». Он привозил муку. Водитель, жирный мужик в тулупе, никогда не выходил из кабины. Он просто ждал, пока двое грузчиков из распределителя перетаскают мешки в подвал.

Лили знала, что у водителя в кабине всегда есть еда. Не пайковый кирпич, а нормальная еда — консервы, которые он выменивал на талоны, или просто куски сала. Водители были отдельной кастой. Они были слишком сытыми, чтобы бояться, и слишком ленивыми, чтобы драться.

Она подошла к кабине со стороны пассажира. Стекло было поднято. Лили постучала костяшками пальцев.

Водитель открыл дверь, выпуская облако теплого, вонючего сигаретного дыма. — Чего тебе, малявка? Отвали, сейчас грузчики выйдут, шею сломают.

Лили не стала просить. Она сделала то, что Роза никогда не смогла бы. Она посмотрела водителю прямо в глаза.

— У тебя на сиденье крошки, — сказала она. — От ванильных сухарей. И банка тушенки открытая, под газетой. Тушенка армейская, сорок пятого года, жестяная, с ключом. Ты ее ешь грязной ложкой, и у тебя на воротнике жирное пятно.

Водитель моргнул. Его рука, лежавшая на руле, дрогнула. Он не ожидал конкретики. Он ожидал жалобного «дайте хлебушка».

— Ты из этих? — просипел он. — Из мародеров?

— Я из тех, кто знает, что у тебя в бардачке лежит золотой

крестик, — Лили говорила монотонно, без эмоций, констатируя факт. — С цепочкой. Ты снял его с кого-то в Западном секторе месяц назад. Крестик фальшивый, позолота слезает. Если я крикну, что ты везешь краденое золото, грузчики тебя выпотрошат прямо в кабине, чтобы не делиться с начальством. Им сегодня не выдали паек. Они злые.

Водитель медленно перевел взгляд с лица Лили на бардачок. Затем на ее руки. В руках Лили ничего не было. Но она стояла так, что перекрывала путь к рычагу передач.

— Чего надо? — выдохнул он.

— Буханку, — сказала Лили. — И пачку сахара-рафинада. Три кубика.

— У меня нет сахара.

— Два кубика. И полбуханки. Ту, что с краю лотка, подгоревшую. Ее все равно выбрасывают.

Водитель выругался, но это было согласие. Он знал правила игры. В этом городе нельзя было быть жадным. Жадность убивала быстрее голода. Он порылся под сиденьем, достал завернутый в газету хлеб, от которого шел густой, одуряющий запах жизни, и протянул ей. Затем бросил на колени Лили два неровных белых кубика.

— Исчезни, — бросил он.

Лили взяла хлеб, прижимая его к груди, как младенца. Сахар она спрятала в рот, не разворачивая, чтобы не потерять ни крошки. Она отошла от грузовика и, не таясь, пошла к воронке.

Роза сидела на дне, обхватив колени. Она уже не играла. Голод делал свое дело, и театральная бледность теперь была настоящей.

Лили разорвала газету. Хлеб был тяжелым, влажным, с кислым привкусом отрубей. Но это был хлеб.

— На, — Лили отломил кусок, больше похожий на комок грязи, и протянула сестре. — Ешь медленно.

Роза впилась в него зубами. Она не жевала — она давилась, пытаясь проглотить как можно быстрее. Лили пришлось ударить ее по руке.

— Я сказала, медленно! — рывкнула она. Голос Лили в такие моменты менялся. Исчезала хрупкость, исчезала мольба. Оставался только холодный, стальной приказ. — Если сейчас набьешь желудок, тебя вывернет. И мы останемся ни с чем. Жуй. Глотай. Дыши.

Роза послушно замедлила движения челюстей. Слезы от унижения и голода катились по ее щекам, смешиваясь с грязью, но она жевала.

Лили съела свою порцию еще медленнее. Она положила сахар на язык, закрыла глаза и позволила ему таять. Сладость ударила в голову, вызвав секундное головокружение. Это было опаснее голода — внезапный приток энергии мог заставить руки дрожать.

Когда хлеб был съеден, а во рту остался лишь мерзкий привкус отрубей, Лили достала из внутреннего кармана бушлата то, что добыла, пока бородатый поднимал Розу.

Это был не только талон.

— Смотри, — Лили разжала кулак.

На грязной ладони лежал потертый кожаный бумажник. Внутри — три талона на продовольствие (один из них, как и говорил бородатый, был недельным) и мятая, затертая на сгибах фотография. На фото улыбалась полная женщина с двумя детьми.

Роза посмотрела на фотографию, потом на Лили. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Мы могли бы... — начала Роза.

— Нет, — отрезала Лили. Она достала из бумажника купюру — старую, довоенную десятку, которая теперь годилась только на растопку, но имела коллекционную ценность. — Мы оставим бумажник в «Метелице». На стойке. Через час его найдет уборщик. Семья бородатого получит свои талоны. Мы не убийцы, Роза. Мы просто падальщики.

Роза ничего не ответила. Она вытерла рот рукавом и легла на спину, глядя в серое, низкое небо.

— Он был тяжелым, — сказала она вдруг.

— Кто? — не поняла Лили, пересчитывая талоны.

— Бородатый. Когда я падала. Я думала, он меня не удержит. У него сапоги скользили. Я рассчитывала траекторию, чтобы упасть на плечо, а не на затылок. Если бы я упала на затылок, я бы не смогла срезать шнурок.

Лили посмотрела на сестру. В этом вся Роза. Даже падая в голодный обморок, она вычисляла углы и сопротивление

ткани.

— Ты упала красиво, — сказала Лили, убирая добычу. — Как настоящая леди.

— Я чуть не обмочилась, когда он начал орать про нож, — призналась Роза, закрывая глаза. — У меня внутри все заледенело.

— Это адреналин, — Лили застегнула бушлат. — Он греет лучше хлеба. Вставай. Темнеет. Если патруль внутренней безопасности застанет нас здесь после комендантского часа, нас не спасет даже искусство падать.

Роза села, опираясь на руки. Ее все еще мутило, но в глазах появился блеск. Еда сделала свое дело.

— Куда теперь? — спросила она, отряхивая пальто. — В «Метелицу»?

— Нет. В «Метелице» сегодня дежурит Кривой. Он берет тридцать процентов. Слишком много. Мы идем на Тракторную, к Старьевщику. Он берет двадцать, но он должен мне за прошлую неделю.

Лили выбралась из воронки первой, протянув руку сестре. Роза приняла ее. В их сцепленных ладонях была странная гармония: рука Лили была жесткой, с вьезшейся грязью под ногтями и мозолями от арматуры. Рука Розы — тонкой, с длинными пальцами, созданными для игры на пианино или быстрого извлечения чужих кошельков.

Они вышли из-за бункера на площадь. Очередь уже рассасывалась. Люди прижимали к груди свои драгоценные бу-

ханки, пряча их под одеждой от чужих глаз. В воздухе висела тяжелая, сытая тишина — тишина людей, которые на несколько часов отодвинули смерть.

Лили и Роза шли сквозь них, не глядя никому в глаза. Они были частью пейзажа, теньями, грязью на ботинках. Никто не обращал внимания на двух оборванных девчонок.

Но если бы кто-то из уходящей толпы обернулся, он бы заметил странную деталь. Роза шла, слегка покачиваясь, все еще играя остаточную слабость. А Лили шла пружинисто, ее плечи были расправлены, и в каждом ее шаге чувствовалась не загнанность зверя, а холодный расчет хищника. Она не просто выживала в этом мире хаоса. Она его правила, выстраивая из чужого отчаяния их хрупкую, уродливую, но работающую империю.

Впереди, в конце улицы, замигал одинокий фонарь, разбрасывая по сугробам рваные тени. Снег продолжал падать, покрывая следы их ботинок, следы падения Розы и крошки съеденного хлеба, стирая с лица города очередную маленькую победу.

— Знаешь, — вдруг сказала Роза, нарушая их привычное молчание на ходу. — Когда я падала сегодня, я видела его сапоги. Они были начищены. Настоящим гуталином. В этом городе никто не чистит обувь.

— Значит, он из бывших, — равнодушно бросила Лили. — Офицерские запасы.

— Я украла у офицера, — Роза поежилась. — Это опас-

нее, чем у работяги. У них есть принципы. И оружие.

— У него больше нет талона на неделю, — Лили усмехнулась уголком рта. — Теперь он на равных с работягами. Я уравнила их в правах, Роза. Это и есть высшая справедливость нашего нового мира.

Роза ничего не ответила. Она лишь плотнее запахнула тонкое пальто, пряча лицо от ветра. Но Лили видела, как сестра едва заметно кивает, принимая эту жестокую логику. В конце концов, офицерский гуталин сегодня спас им жизнь. А принципы, как и лишний хлеб, в полуразрушенном городе были непозволительной роскошью, ведущей к быстрой и некрасивой смерти.

Они свернули в темный переулок, оставляя за спиной площадь, бункер и очередь. Впереди их ждали Старьевщик, новые риски и необходимость снова падать — красиво, расчетливо и вовремя.

Глава 2. «Цена иллюзии»

Старый кинотеатр «Победа» давно перестал показывать фильмы. Теперь он показывал жизнь. В его промерзшем, заваленном обломками кресел зрительном зале, где когда-то пахло карамелью и нафталином, теперь стоял густой запах мокрой псины, дешевого самогона и несбывшихся надежд. Здесь, в бывшей ложе для почетных гостей, которую они с Розой застелили рваными армейскими одеялами, Лили раскладывала на коленях карту города.

Карта была напечатана на плохой бумаге еще до войны. Половина районов на ней была залита коричневым цветом — «зона отчуждения», куда не совалась даже патрульная полиция. Лили водила грязным ногтем по синей нитке замерзшей реки.

— Здесь, — сказала она, не поднимая глаз. — Торговый дом «Северный ветер».

Роза, расчесывавшая волосы осколком зеркала, замерла. В ложе было темно, единственный свет давала коптилка из гильзы, и лицо Розы казалось вылепленным из воска — бледным, с лихорадочным румянцем на высоких скулах.

— «Северный ветер»? — переспросила она. — Лили, это же территория Маховика. Его люди шинкуют на ремни за один косой взгляд в сторону их склада.

— Маховик контролирует левый берег, — Лили наконец

подняла голову. Ее глаза в полумраке казались черными, лишенными белков. — А «Северный ветер» стоит на правом. На нейтральной полосе. Маховик туда не лезет, потому что владелец лавки, господин Валентин, платит дань напрямую коменданту гарнизона. У него иммунитет.

— Иммунитет от Маховика не спасает от голода, — Роза отложила осколок. — Что нам там делать? Он торгует швейцарскими часами и шелковыми чулками. Кто их сейчас носит? Разве что жена коменданта, и то под шинелью.

— Нам не нужны его товары, — Лили свернула карту и убрала ее за пазуху. — Нам нужен его страх. И его золото.

Роза вздохнула и начала заплетать косу. Движение было механическим, отработанным. Она заплетала волосы перед каждой «работой» такого уровня.

— Хорошо, — сказала она. — Какую роль ты отводишь мне на этот раз? Опять умирающая сиротка? Или уличная девка, которая просит «угостить хлебушком»?

— На этот раз ты будешь мечтой, — Лили впервые за вечер позволила себе подобие улыбки, но она не коснулась глаз. — Господину Валентину пятьдесят три года. У него подагра, одышка и жена, которая весит больше, чем их лавка со всем содержимым. У него есть сын, сопливый мальчишка, которого он прячет в подвале, потому что боится призыва. И у него есть иллюзия. Иллюзия того, что он все еще живет в прежнем мире.

Лили встала. Одежда сползла с ее плеч, открывая острые

ключицы.

— Он коллекционирует не вещи, Роза. Он коллекционирует статус. Он пьет настоящий кофе, который жарит сам, чтобы вдыхать запах. Он слушает патефон. И он смертельно боится, что когда придут настоящие хозяева города — не Маховик, а те, кто придет после, — его выкинут на улицу вместе с его шелковыми чулками.

— И мы продадим ему иллюзию спасения, — догадалась Роза. В ее голосе зазвучал профессиональный азарт.

— Мы продадим ему билет на ковчег, — кивнула Лили. — Я буду «Майором». Связной из штаба эвакуации. У меня есть чистые бланки пропусков.

— Откуда у нас чистые бланки? — прищурилась Роза.

— Я выменяла их у писаря из комендатуры на три дозы морфия, — буднично ответила Лили. — Настоящего морфия, Роза. Не ту меловую дрянь, что толкает Кривой. Писарь думает, что мы просто торгуем дурью. Он не знает, что бланки — это наш главный капитал.

План был идеален в своей жестокости. В городе, где смерть стала статистикой, самым дорогим товаром была надежда. А самой дорогой надеждой — побег.

Витрина «Северного ветра» выглядела как насмешка. За толстым, чудом уцелевшим стеклом, подсвеченные тусклой лампой от аккумулятора, стояли фарфоровые куклы с отбитыми носами, серебряные портсигары и горы искусственно-

го жемчуга. Дверной колокольчик, когда Лили толкнула тяжелую дубовую створку, издал не звон, а глухой, туберкулезный хрип.

Внутри пахло так, как Лили и предсказывала: жареной арабикой, воском и застарелым мужским потом. Господин Валентин стоял за прилавком. Он был именно таким, каким она его представляла: круглый, потный, в жилетке, надетой на несвежую рубашку. Его пальцы, униженные массивными перстнями, нервно теребили цепочку карманных часов.

— Закрыто, — буркнул он, не поднимая головы от грессбуха. — Приходите после комендантского, если есть талоны на керосин.

— У нас есть кое-что получше керосина, господин Валентин, — голос Лили изменился. Исчезла хрипотца уличной девчонки. Появилась командная интонация, от которой у людей инстинктивно слабели колени.

Валентин поднял глаза. Он увидел перед собой девушку в поношенном, но ладно сидящем на ней бушлате. На рукаве бушлата была нашита кривая, но узнаваемая эмблема инженерных войск — та самая, что подчинялась напрямую штабу округа.

— Я майор Ларина, — Лили бросила на прилавок сложенный вчетверо лист плотной бумаги. — Спецотдел.

Валентин побледнел. Его рука дернулась к воротнику, пытаясь ослабить узел, но пальцы запутались в цепочке часов. Он осторожно, двумя пальцами, взял лист. Это был не про-

пуск. Это была «форма 12-Б» — бланк на эвакуацию семьи офицера высшего звена. Чистый, с едва просвечивающей тигрографской сеткой.

— Я... я не понимаю, — пролепетал торговец. — У меня нет заслуг перед армией. Я гражданское лицо.

— Именно поэтому вы еще живы, господин Валентин, — Лили оперлась руками о прилавок, нависая над ним. — Вы полезны. Город будут зачищать. Всех, кто торговал с Маховиком, всех, кто прятал золото, пустят на удобрение. Но штаб ценит специалистов. Ювелиров. Механиков.

Она сделала паузу, давая яду впитаться.

— У вас есть семья. Я видела вашего сына во дворе. Хороший мальчик. Слишком хрупкий для передовой.

Валентин сглотнул. На его лбу выступили крупные капли пота, хотя в лавке было холодно.

— Что... что вы хотите? — выдохнул он. — У меня есть камни. Хорошие камни. Я отдам все.

— Нам не нужны ваши стекляшки, — отрезала Лили. — Нам нужны люди, которые умеют держать язык за зубами.

Она достала из кармана второй бланк. Положила его рядом с первым.

— Четыре места. Вы, ваша жена, ваш сын. И, скажем... экономка. Или племянница. Кто-то, кто умеет быстро собирать чемоданы и не задает вопросов. Место на последнем поезде. Уходит через три дня.

Глаза торговца забегали. Он смотрел на бланки, потом на

Лили, потом на дверь. Он пытался найти в этом подвох, ловушку, но логика Лили была безупречной. В хаосе эвакуации такие схемы были нормой. Кто-то всегда покупал себе жизнь.

— Три дня? — переспросил он. — Но поезд... его же разбомбили в прошлом месяце.

— Тот разбомбили, — согласилась Лили. — Это другой. Секретный маршрут. Северный туннель.

— Я... я должен подумать, — Валентин попытался взять себя в руки, но голос предательски дрогнул. — Мне нужно время. Чтобы собрать вещи.

— У вас есть пять минут, чтобы решить, господин Валентин, — Лили посмотрела на свои наручные часы — дешевые, советские, но выглядящие в полумраке лавки как «Омега». — Через пять минут я передаю эти бланки следующему в списке. У нас очередь из инженеров. А через неделю комендант закрывает границы окончательно. Решайте.

Она развернулась, намереваясь выйти. Это был классический прием: создать дефицит времени и уйти, заставив жертву самой звать назад.

— Пойдите! — взвизгнул Валентин. — Майор!

Лили медленно обернулась.

— Да?

— Я... я согласен, — торговец вытер лоб рукавом. — Но... это стоит дорого. Бланки, риск...

— Это стоит всего вашего золота, — спокойно сказала

Лили. — Всех камней. Всех наличных. Вы отдаете нам свой капитал здесь, чтобы получить жизнь там. Справедливый обмен.

Валентин кивнул так быстро, что его второй подбородок затрясся.

— Но моя жена... — вдруг промямлил он. — Она должна собрать вещи. Она медлительная. Она... она не должна знать, куда мы едем на самом деле. Если она узнает про поезд, она начнет паниковать.

Лили поняла. Он хотел, чтобы его жена ушла из дома под другим предлогом.

— Пусть едет к сестре в деревню, — предложила Лили. — За город. Там безопаснее. Мы заберем ее оттуда.

— Сестра... — Валентин замялся. — У нее сложный характер. Но есть... есть другая женщина.

В этот момент дверь колокольчика снова хрипнула.

На пороге стояла Роза.

Она сделала с собой то, что умела делать только она. Голод и грязь последних недель исчезли под слоем умения подать себя. На ней было платье. Откуда она его взяла — Лили не знала, но это было темно-зеленое бархатное платье, плотно облегающее фигуру, с глубоким, но не вульгарным декольте. Волосы, обычно заплетенные в тугую косу для драки, теперь были уложены в высокую, сложную прическу, открывающую длинную, изящную шею. На ногах — туфли. Настоящие кожаные туфли на небольшом каблучке.

Роза вошла в лавку, чуть-чуть прихрамывая — не от боли, а от привычки носить неудобную обувь, — и остановилась, глядя на Валентина.

— Простите, — сказала она голосом, который мог бы растопить лед. — Дверь была приоткрыта. Я ищу господина Валентина. Мне сказали, он единственный в городе, кто может вставить камень в оправу.

Валентин забыл, как дышать. Его лицо из бледного стало багровым. Он смотрел на Розу, и Лили видела, как в его заплывших жиром мозгах происходит короткое замыкание. С одной стороны — страх перед «Майором» и расстрельной командой. С другой — первобытный, оглушающий мужской инстинкт.

Роза сделала еще шаг. Бархат платья тихо прошелестел. Она смотрела только на торговца, игнорируя Лили, словно та была предметом мебели.

— У меня фамильная брошь, — Роза достала из сумочки, перекинутой через плечо, дешевую медную брошь с треснувшим стеклом. — Выпал камень. Но дело не в ней.

Она подошла к прилавку. От нее пахло не дешевым мылом, а чем-то сладким и терпким — Лили знала, что Роза нашла в руинах парфюмерной фабрики флакон эфирного масла и теперь буквально купалась в нем. Это был запах другой жизни. Запах мира, где еще существуют женщины, а не только самки, борющиеся за пайку.

— Господин Валентин, — Роза оперлась кончиками паль-

цев о прилавок рядом с руками торговца. — Мне сказали, вы понимаете красоту.

Валентин смотрел на ее пальцы. На тонкие, без колец, с коротко стриженными ногтями.

Лили мысленно отсчитывала секунды. Один. Два. Три. Кровь отлила от головы торговца к лицу, а затем — ниже. Он забыл про бланки. Он забыл про Маховика. Перед ним стояла Галатея, сошедшая с пьедестала в его разрушенный мир.

— Майор, — проблеял Валентин, не отрывая взгляда от Розы. — Это... это моя племянница. Из провинции. Приехала навестить.

— Я вижу, — сухо бросила Лили, играя раздражение. — Племянница, у нас нет времени. Собирайте камни.

— Да-да, — засуетился Валентин, пятясь вглубь лавки, к тяжелому сейфу, замаскированному под книжный шкаф. — Прошу... выпейте кофе. Пока я...

Он суетливо достал старую медную турку, спиртовку. Роза села на обитый потертым бархатом стул для посетителей, закинув ногу на ногу так, что разрез платья приоткрыл бедро ровно на ту долю дюйма, которая сводит мужчин с ума.

Лили села в углу, закинув ногу на ногу в своих грубых армейских сапогах, и демонстративно чистила ногти ножом. Она была якорем реальности. Угрозой.

Валентин возился с кофе. Его руки тряслись. Он просыпал зерна. Он обжег пальцы о спиртовку. Роза смотрела на него с легкой, снисходительной полуулыбкой.

— Вы нервничаете, — сказала она. — Не стоит. Я просто хочу, чтобы моя брошь снова была красивой.

— Конечно, конечно, — Валентин наконец разлил густую, черную жижу по фарфоровым чашкам. Настоящий кофе. Лили уловила запах и почувствовала, как у нее самой сводит желудок, но лицо осталось каменным.

— Сахар? — предложил Валентин.

— Если у вас есть, — мурлыкнула Роза.

Торговец полез в ящик стола, достал щипчиками кусок желтоватого рафинада и положил перед Розой.

Роза взяла щипчики изящным движением, опустила сахар в чашку и начала медленно его размешивать. Ложечка звенела о фарфор. Этот звук в тишине лавки звучал как музыка.

— Вы очень красивая женщина, — вдруг выпалил Валентин, глядя, как Роза подносит чашку к губам.

— Вы мне льстите, — она сделала глоток, закрыв глаза от удовольствия. — В провинции нет хорошего кофе. Там только желуди и отчаяние.

Лили кашлянула.

— Племянница, — процедила она. — Если вы закончили с флиртом, нам пора. Золото.

Валентин вздрогнул, словно его ударили. Он поставил свою чашку. Звук был резким, неэлегантным.

— Да. Идемте.

Он провел их в заднюю комнату. Здесь пахло спиртом и металлом. На верстаке лежали инструменты ювелира. Ва-

лентин подошел к стене, нажал на завиток лепнины. Шкаф с книгами со скрипом отъехал в сторону, открывая массивную стальную дверь.

— Комендант не знает об этом, — зачем-то признался Валентин, возясь с кодовым замком. — Только я и...

— И теперь мы, — закончила Лили.

Сейф открылся с тяжелым вздохом. Внутри, на бархатных подушках, лежало состояние. Не то, что нужно для выживания — не консервы и не бинты. Здесь было то, что нужно для статуса. Горсть необработанных алмазов. Золотые цепочки толщиной в палец. Слитки.

Роза ахнула. Это был искренний, непрофессиональный звук. Даже она, видевшая достаточно, замерла при виде такого концентрированного, чистого богатства.

— Берите, — прошептал Валентин. Он стоял за спиной Розы, почти касаясь ее плеча. Его дыхание стало тяжелым, прерывистым. — Все берите. Только... возьмите меня с собой.

— Мы берем только то, что оговорено, — отрезала Лили. Она начала складывать камни в брезентовую сумку. — Золото. Наличные.

— Майор, — Валентин обошел Розу и встал перед Лили. Его глаза были мутными от желания. — Оставьте мне немного. Для начала там. На Севере. И... я могу заплатить дополнительно.

Он протянул руку и коснулся щеки Розы.

Лили не шелохнулась. Она продолжала складывать золото.

— Убери руку, — сказала она ровным голосом.

— Майор, не будьте ханжой, — Валентин пьяно ухмыльнулся. Его пальцы скользнули по шее Розы, задержались на ключице. — Девочка сама не своя. Я вижу, как она смотрит. Мы же цивилизованные люди. Сделаем бизнес.

Роза стояла неподвижно. Только ее зрачки расширились, поглотив почти всю радужку. Она смотрела на Лили. В этом взгляде не было страха. Была только холодная, звенящая пустота.

— Он нам нужен, — тихо напомнила Лили, не поднимая глаз от сумки. — Бланки у меня. Поезд — фикция. Если мы его убьем, мы не сможем использовать схему в «Серебряном якоря» через неделю. Нам нужен живой, напуганный торговец, который будет молчать.

Роза медленно повернула голову к Валентину. Она положила свою ладонь поверх его руки, все еще лежавшей на ее шее.

— Вы правы, — прошептала она. — Мы цивилизованные люди.

Ее пальцы, которые только что казались хрупкими, сжались с силой стальных клещей. Она перехватила руку торговца, вывернула ее запястьем вверх и резко дернула вниз.

Раздался сухой, тошнотворный хруст. Кость голени Валентина, не выдержав неестественного угла, лопнула.

Торговец не закричал. Из его рта вырвался только клоко-чущий, влажный хрип. Он рухнул на колени, хватаясь за сло-манную ногу. Глаза вылезли из орбит, на губах выступила пена.

— Как некультурно, — сказала Роза, брезгливо вытирая руку о бархат платья. — Лапать даму без представления.

Лили затянула тесемки сумки. Золото тяжело звякнуло.

— Время, — бросила она.

— Но... бланки... — прохрипел Валентин, корчась на полу. Из его штанины начала быстро расползаться темное пятно. — Вы обещали...

— Мы обещали подумать, — Лили перекинула сумку через плечо. — Мы передумали. Бланки закончились.

Она подошла к сейфу, достала оттуда тяжелый «маузер» в деревянной кобуре, который лежал на верхней полке, и бросила его Розе.

— На случай, если он решит позвать на помощь, — пояснила Лили.

Роза поймала оружие левой рукой. Она передернула затвор. Кладанье металла в тишине лавки прозвучало как приговор.

— Не надо, — просипел Валентин. — Пожалуйста. Я отдам еще. У меня есть камни в тайнике под полом. Только не убивайте.

— Мы не убиваем, — Лили направилась к выходу. — Мы просто забираем иллюзии. Твоя иллюзия, Валентин, заклю-

чалась в том, что ты все еще хозяин положения.

Она толкнула дверь в торговый зал. Роза шла следом, держа «маузер» опущенным, но готовым.

— А твоя иллюзия, — Роза остановилась на пороге задней комнаты, глядя на скорчившегося торговца, — заключалась в том, что ты все еще мужчина, способный купить женщину. Ты купил билет на поезд, которого нет. Это была плохая инвестиция.

Дверь за ними закрылась. Хрип Валентина снова сменился колокольчиком. Но на этот раз звук был не хриплым, а чистым и звонким — Роза, выходя, задела его полкой своего бархатного платья.

На улице мела поземка. Лили шла быстро, не оглядываясь. Ее лицо было бледным, но дыхание — ровным.

— Ты сломала ему ногу, — сказала она, когда они свернули в темный переулок.

— Он ее облизывал, — голос Розы был спокоен, но руки, державшие «маузер», слегка дрожали. — И назвал меня племянницей. Лили, от меня пахнет духами за версту. Если Маховик учует этот запах, он поймет, что мы были в его секторе.

— Маховик сейчас ужинает, — Лили остановилась, скидывая сумку на кучу мусора. — У нас есть три минуты, пока Валентин доползет до телефона. Еще пять минут, пока он объяснит дежурному, что его ограбила «Майор Ларина», которой не существует.

Она открыла сумку. Золото тускло блеснуло в свете луны.
— Мы богаты, — выдохнула Роза. Она опустилась на корточки, ее бархатное платье сразу пропиталось грязью. — Лили, здесь... здесь хватит, чтобы выкупить весь хлебный бункер. На год.

— Нам не нужен хлебный бункер, — Лили начала делить золото на две части. Ровно пополам. — Нам нужны документы. Настоящие. И транспорт.

— Куда мы теперь? — Роза взяла свою долю. Тяжелый мешочек потянул ее руку вниз.

— В «Серебряный якорь», — Лили завязала свою долю и спрятала под бушлат. — У Валентина там доля в игорном доме. Он думает, что мы этого не знаем. Завтра мы придем к его партнеру. Я буду «Адвокатом», у которого есть компромат на Валентина. А ты...

Лили посмотрела на Розу. Бархатное платье было испорчено. Прическа растрепалась от быстрой ходьбы. Но в глазах сестры плясали опасные, золотые огоньки.

— А ты снова будешь мечтой, — закончила Лили. — Только на этот раз мечтой о мести.

Они вышли из переулка на главную улицу. Патруль проехал мимо, слепя фарами. Офицер в кузове грузовика скользнул по ним взглядом. Он увидел двух оборванок, одна из которых зачем-то тащит на плече грязный мешок. Обычная картина. Офицер отвернулся.

Лили и Роза растворились в тених. За их спинами, в теп-

лом нутре «Северного ветра», господин Валентин пытался доползти до телефона, захлебываясь кровью и собственным унижением. Он пытался вызвать помощь, но его горло издавало только булькающие звуки. Иллюзия спасения умерла первой. За ней последовала иллюзия власти.

В городе, где правили голод и страх, сестры ди Фальконе — или как бы они ни назывались сегодня — только что доказали, что самое разрушительное оружие — это не «маузер» и не арматура. Это грамотно разыгранная пьеса, в которой жертве отведена роль главного героя, не подозревающего, что занавес закроется до антракта.

«Серебряный якорь» дышал гнилью. В отличие от аскетичного ужаса улиц, здесь царила лихорадочная, потная пародия на веселье. Газовые лампы — редкая роскошь — заливали зал тошнотворным оранжевым светом. В воздухе висел сизый табачный дым, запах немытых тел, пролитого кислого вина и дешевых духов.

За карточными столами, сколоченными из дверей разграбленных квартир, сидели те, кто успел наесться. Бывшие цеховики, перекупщики, офицеры гарнизона с бегающими глазами и сутенеры с золотыми фиксами. Это было дно, которое решило, что оно — поверхность.

Лили и Роза вошли без стука. Охранник у входа — огромный детина с перебитым носом — хотел было преградить им путь, но Лили остановила его одним взглядом. Она не смот-

рела на него. Она смотрела сквозь него, как смотрят на пыль. Рука Лили небрежно, но так, чтобы было видно, скользнула за отворот бушлата, где покоился «маузер», взятый у Валентина.

— К Финку, — бросила она.

Охранник сглотнул и отошел. Финк был правой рукой Валентина. Тот, кто реально управлял потоками «Северного ветра» и отмывал деньги через этот кабак.

Они прошли сквозь зал. Мужчины за столами прерывали игру, провожая Розу взглядами. В своем измазанном бархате, с растрепанной прической и горящими глазами, она выглядела как фурия, спустившаяся в ад за долгами. Она шла, покачивая бедрами, и каждый ее шаг заставлял мужчин забывать о своих картах.

Лили была ее полной противоположностью. Черная, сгорбленная тень. Смерть, сопровождающая порок.

Кабинет Финка находился на антресолях. Поднимаясь по скрипучей лестнице, Роза тихо сказала:

— План не изменился?

— Усугубился, — ответила Лили. — Валентин уже наверняка позвонил. Финк знает, что мы были там. Он ждет нас, чтобы сдать Маховику и забрать золото себе.

— Значит, он будет агрессивен, — Роза коснулась рукояти «маузера», заткнутого за пояс ее платья.

— Значит, он будет делать ошибки, — Лили толкнула дверь, не стучась.

Финк стоял у окна. Это был сухой, жилистый мужчина с лицом, похожим на печеное яблоко. Он не играл в карты. Он их печатал. Когда дверь открылась, он даже не вздрогнул. Только медленно повернул голову.

— Быстро вы, — сказал он вместо приветствия. — Валентин визжал в трубку, как резанный поросенок. Говорит, «Майор Ларина». Смешно. Майор Ларина подорвалась на растяжке месяц назад. Я лично подписывал похоронку.

Он кивнул на стол. Там, среди пустых бутылок, лежал «калашников». Финк был готов к войне.

— Присаживайтесь, — Финк указал на стулья. — Чай?

— Мы постоим, — Лили осталась у двери, блокируя выход. Роза прошла в центр комнаты, встала под тусклой лампочкой без абажура. Свет упал на ее лицо, подчеркивая тени под глазами и лихорадочный блеск.

— Где наша доля, Финк? — спросила Лили.

— Ваша доля? — Финк усмехнулся, показывая гнилые зубы. — Девочка, твоя доля сейчас в том, что я не прикажу своим ребятам спуститься и переломать тебе колени. Валентин — мой партнер. Вы ограбили моего партнера. Это плохой бизнес.

— Валентин больше не твой партнер, — Лили достала из кармана золотые часы Валентина на цепочке. Она подбросила их на ладони. — Он передал нам доверенность. На управление активами. В связи с экстренной эвакуацией.

— Чушь, — Финк положил руку на «калашников». — Я

знаю Валентина. Он скорее отрежет себе палец, чем отдаст сумку с камнями.

— Он отдал, — вступила в разговор Роза. — Когда я пообещала, что поеду с ним.

Она шагнула к столу. Финк перевел взгляд на нее. И Лили увидела, как броня циничного дельца дала трещину. Финк был старой, высохшей акулой. Но акулы тоже чувствуют кровь. А от Розы пахло сексом, порохом и безумием.

— Ты та самая... из лавки? — голос Финка стал ниже, в нем появилась хрипотца.

— Я та, кто спасает вашего бывшего партнера от Маховика, — Роза оперлась руками о стол, наклонившись к Финку. Ее декольте открыло вид на глубокую ложбинку между грудей. — Он очень просил меня остаться. Но у меня дела.

Финк облизнул губы.

— Маховик перекрыл мосты, — сказал он. — Никто не выйдет из сектора. Вы блефуете.

— Мосты перекрыты для тех, кто идет по земле, — Лили наконец отошла от двери. Она подошла к столу с другой стороны, встав напротив Финка. Теперь он был зажат между ними. — У Валентина есть катер. В старом речном порту.

Финк моргнул. Он этого не знал. Информация попала в цель.

— Блеф, — повторил он, но уже без прежней уверенности.

— Слушай внимательно, Финк, — Лили положила руки

на стол. Она не повышала голос, но каждое ее слово падало в тишину комнаты, как камень. — Мы пришли не за деньгами. Мы пришли предложить тебе сделку. Валентин — отработанный материал. Он сломан. Он побежит к коменданту, и комендант заберет его золото в фонд обороны. Золото исчезнет в карманах штабных крыс.

Лили наклонилась вперед.

— А мы предлагаем тебе забрать все. Золото Валентина. Его долю в «Якоре». Его камни. Все. Мы отдадим тебе это. Прямо сейчас.

Финк смотрел на нее, пытаясь понять подвох.

— Что взамен? — прохрипел он.

— Взамен ты забываешь, что видел нас, — сказала Лили.

— И ты отдаешь нам катер.

— Катер?! — Финк дернулся. — Да этот катер стоит дороже всей лавки! Это же «Заря», бывший комендантский! Там броня и авиационный двигатель!

— Именно, — кивнула Лили. — Он нам нужен, чтобы вывезти... груз. Медицинский. Морфий. Мы возем двадцать ящиков чистого морфия на Север, в полевые госпитали. Штаб. Сам понимаешь, какие подписи стоят на накладных. Если нас возьмут с этим катером, расстрел на месте. Нам нужно судно, которое не остановит ни один патрульный катер.

Это была ложь высочайшего класса. Морфий объяснял наличие «маузеров», бланков и их наглость. Против морфия,

идущего по линии штаба, не пойдет ни один капитан Маховика.

— Я не знаю, где катер, — соврал Финк. — Валентин мне не доверял.

— Зато ты доверяешь своим глазам, — Роза обошла стол и встала за спиной Финка. Она положила руки ему на плечи. Финк вздрогнул, но не отстранился. — Посмотри на меня, Финк.

Роза наклонилась к его уху. Ее волосы упали ему на плечо.

— Валентин хотел меня купить. Он думал, что может владеть мной за свои стекляшки. А я... я просто хотела посмотреть, как он будет ползать.

Ее рука скользнула с его плеча на грудь. Пальцы нащупали цепочку, на которой висел ключ от сейфа.

— Ты умнее Валентина, Финк, — прошептала она. — Ты понимаешь, что власть — это не то, что лежит в сейфе. Это то, что уходит из-под носа у твоего врага.

Ее вторая рука, лежавшая на его плече, чуть сжалась, впинаясь ногтями. Это был почти незаметный, интимный жест угрозы.

Лили достала из сумки горсть необработанных алмазов и высыпала их на стол перед Финком. Камни покатались по столешнице, стуча о дерево.

— Здесь на пятьдесят тысяч, — сказала Лили. — Аванс. Остальное — когда покажешь, где стоит «Заря».

Финк смотрел на камни. Затем на Розу, чьи пальцы все

еще касались его шеи. Затем на «маузер» в руке Лили.

Его мозг, привыкший считать проценты и риски, дал сбой. С одной стороны — Маховик, который убьет его за связь с ограбленным Валентином. С другой — сумасшедшая девчонка с «маузером», предлагающая ему состояние и способ подставить конкурента.

— В порту, — выдавил он. — Третий док. Охрана — два человека. Валентина.

— Уже не его, — Лили сгребла алмазы обратно в сумку, оставив на столе только один, самый крупный. — Это твой. За наводку.

— А катер? — Финк не мог оторвать взгляда от алмазов.

— Мы сами заберем, — Лили направилась к двери. — Спасибо за чай, Финк. И мой совет: уезжай из города. Когда Маховик поймет, что золото Валентина исчезло, а сам он не может говорить из-за сломанной челюсти, Маховик начнет искать крайних. Ты крайний.

Они вышли из кабинета. Спускаясь по лестнице, Роза тяжело дышала.

— Он смотрел на меня так, будто хотел съесть, — сказала она, поправляя платье. — И он поверил. Он поверил, что я — просто дорогая шлюха, которая решила сменить сутенера.

— Он поверил, потому что ты позволила ему так думать, — Лили спустилась в зал.

Внизу стало тише. Мужчины за столами чувствовали, что наверху произошло что-то нехорошее. От Финка веяло

смертью, и это веяние спускалось вместе с ними.

Они уже почти дошли до выхода, когда дверь с улицы распахнулась.

В «Серебряный якорь» вошли четверо. Они не были похожи на завсегдатаев. Их движения были слишком синхронными, а кожаные плащи — слишком новыми.

Маховик.

Лили узнала старшего. Скала. Правая рука пахана. Лицо, пересеченное шрамом от лба до подбородка.

Скала обвел взглядом зал. Его глаза — бледные, почти бесцветные — остановились на лестнице. Он увидел Лили и Розу.

Лили не растерялась. Она схватила Розу за локоть и, расталкивая сидящих за ближайшим столом игроков, потащила ее в сторону кухни.

— Пожар! — закричала она дурным голосом. — Горим!

Это был старый, как мир, трюк. В замкнутом пространстве, где все боится потерять свое добро, крик о пожаре вызывает не панику, а цепкую, животную суету. Игроки начали хватать фишки, прижимать к груди бутылки.

Скала начал пробиваться сквозь толпу. Он был огромен и двигался, как таран.

Лили втокнула Розу в кухонные двери. Там, среди чанов с кипящей водой для варки самогона, стоял повар с огромным тесаком.

— Полиция! — рывкнула Лили, показывая «маузер». —

Ложись!

Повар рухнул на пол, закрывая голову руками.

— Задний двор! — скомандовала Лили.

Они выбили дверь черного хода. Улица встретила их ледяным ветром и темнотой.

— К порту! — выдохнула Роза. — Третий док!

— Финк нас продал, — Лили бежала, пригнувшись, вдоль стен домов. — Скала не просто так зашел. Финк позвонил ему, как только мы ушли. Он решил забрать золото себе и сдать нас Маховику, чтобы отвести подозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.